

И. И. Генкин

**Лейтенант Шмидт и
восстание на «Очакове»**

К двадцатилетию 1905–1925

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г34

Г34 **Генкин И.И.**
Лейтенант Шмидт и восстание на «Очакове»: К двадцатилетию 1905–1925 /
И. И. Генкин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 64 с.

ISBN 978-5-458-06948-9

ISBN 978-5-458-06948-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Одиночки из солдат и матросов сперва пробирались на митинги в сквер нелегально, но потом стали устраивать свои собрания хотя и отдельно, но совершенно открыто, возле казарм.

Растерянность властей как центральных, так и местных, была в эти месяцы и недели так велика, что адмирал Чухнин долго не знал, как быть: по-отечески ли улыбаться, как это делали в других местах иные губернаторы, или по-начальственному—кричать и карать.

В начале ноября в Севастополе сформировался новый руководящий центр соц.-дем. военной организации. Месяца за полтора до этого разгромлена была прежняя военная организация, приходилось наспех устанавливать утерянные связи, спаивать в одно разбросанных в разных частях флота социал-демократов и сочувствующих.

Среди военных особенно выделялся своей энергией, сознательностью с.-д. Иван Сиротенко.

В упомянутый центр вошло и двое «штатских»: Николай Лазаревич Конторович *) и Иван Петрович Вороницын **).

*) Николай Лазаревич Конторович—фармацевт по профессии. Старый член РСДРП—один из первых организаторов работы среди военных в Севастополе. Еще в 1905 году начал свою работу среди артиллеристов, попал в тюрьму, где и просидел с небольшим промежутком до лета 1905 года. Человек горячий и рассудительный, Конторович на следующий же день по выходе из тюрьмы ринулся в работу, отыскивая старых знакомых, скрепляя связь с организацией.

***) Иван Петрович Вороницын — еще юношей примкнул к марксистским кружкам, с пылом молодости принял участие в рабочем движении. Сидел в тюрьме, был сослан в Архангельскую губернию, откуда бежал за границу. Через некоторое время вернулся обратно в Россию на «работу», где и был вскоре арестован и просидел до октября 1905 г. По делу Очаковского восстания, как и Конторович и др., был приговорен к смертной казни. Смерть была заменена пожизненной каторгой. Освободила их Февральская революция.

Всеобщее оживление, огромный поток агитационной литературы, а также чрезвычайная растерянность высшего начальства—не могли не сказаться на настроении матросов. «Митингование» сделалось повальным явлением.

С.-д. военная организация, сама по себе очень революционно настроенная, проявляла, однако, большую сдержанность и осторожность.

Она считала, что активное выступление флота и армии в помощь всероссийской революции—это дело отнюдь не ближайших дней.

Но зато настроение матросской и солдатской массы революционизировалось с каждым часом.

Достаточно было бросить в среду, насыщенную недовольством и протестом, несколько лозунгов, как немедленно начиналось революционное движение.

Так всегда и бывает в революционные эпохи. То, что в обыкновенное время, в периоды «мирного», «постепенного», «органического» развития созревает годами, то в эпоху революционных бурь и ураганов нарастает и созревает в течение недель и суток.

Несомненно, далеко не все матросы и солдаты были революционно настроены. Несомненно, что огромное количество их еще не было втянуто в водоворот движения. Но в том-то и состоит искусство революции, техника ее, чтоб, нащупав реальные движущие пружины истории, повести широкие массы трудящихся на штурм вражеских позиций.

Вторая неделя ноября прошла в довольно многочисленных митингах, бурный характер которых усиливался все больше и больше.

11 ноября должен был состояться большой митинг возле «экипажей», т.-е. возле морских казарм. Адмирал Чухнин, очевидно, решил, что увещаниям и уговариваниям должен быть положен конец: пора

убеждать матросов силою винтовки и штыка. По его приказанию была заранее приготовлена сборная боевая рота из вооруженных винтовками матросов,—командовали ею капитан Кинда и лейт. Кетлинский. На помощь этой роте на всякий случай была вызвана учебная команда Белостокского полка, под начальством штабс-капитана Штейна.

Явчшийся перед началом митинга контр-адмирал Писаревский, начальник учебного отряда Черноморского флота, счел нужным, как мне рассказывали матросы, обратиться к боевой роте с краткой речью и напоминанием о долге, присяге царю и проч. Тут же он поставил на вид необходимость пустить в ход огнестрельное оружие, если только крамольники и бунтовщики не разойдутся сразу.

— А если на митинге будут наши отцы и братья, то что же—и в них стрелять?!—раздался голос матроса Петрова, члена с.-д. организации.

— Разумеется!—твердо отчеканил адмирал,—и в них придется стрелять!...

— Ага, раз так,—так вот же тебе, дракон—и, став на одно колено, Петров сделал два выстрела из винтовки; первым он ранил контр-адмирала Писаревского, а вторым попал в капитана Штейна (последний умер в ту же ночь).

По словам одного моего сопроцессника, Петров после выстрелов предлагал арестовать себя, прибавив:

— Любовь к братьям заставила меня убить врагов...

Произошло это совершенно неожиданно. Поднялась суматоха. Петрова арестовали, но толпа в несколько сот матросов, вооружившись винтовками, потребовала его освобождения. Многие матросы, оставшиеся в экипажах, с криками: «Восстание!.. Восстание!..» хотели-было броситься с оружием в руках в Морское Собрание, переполненное, как

всегда, офицерами, но прибежавшая из города Наташа Вольская*) удержала их от этого намерения. Ее испугали возможные эксцессы. Матросы разоружили и выпроводили (не арестовали, а выпроводили...) некоторых офицеров и, по предложению Наташи, приступили к выборам временного совета депутатов. Освобожденного героя Петрова назначили дежурным по дивизии.

Матросы, расположенные недалеко от них солдаты Брестского полка, а также рабочие адмиралтейства, явившиеся в количестве нескольких тысяч, образовали митинг, где все упорнее и упорнее стали раздаваться крики:

— Забастовка!.. Забастовка!..

Тут же матросы и солдаты, сами, без участия посторонних, выработали следующие требования, которые должны быть пред'явлены через адмирала Чухнина центральному правительству:

1) Освободить всех политических матросов и солдат на поруки матросов и солдат и предать их гласному суду.

2) Удаление из города всех боевых рот, казаков, снятие военного положения, отмена смертной казни.

3) Неприкосновенность личности депутатов.

4) Полная свобода вне службы. Право посещать все общественные места и собрания.

5) Устройство библиотек и читален за счет казны. Выписка книг и журналов по желанию нижних чинов.

6) Вежливое обращение офицеров с нижними чинами на «Вы» и отмена титулов вне службы.

*) Одна из выдающихся организаторов и ораторов Севаст. организации РСДРП.

7) Увеличение жалованья от пяти до 10 рублей в месяц. В плавании жалованье матросам должно быть увеличено в два раза больше. Увольняемым в запас должно быть выдано единовременное пособие в 50 рублей.

8) Уменьшение срока службы: для солдат—до двух лет, а для матросов—до четырех лет.

9) Все посторонние работы, как, напр., погрузка угля и ремонт казарм, должны производиться наемными рабочими.

10) Немедленно освободить всех запасных и окончивших сроки действительной службы, а также увольнение всех сверхсрочно служащих.

11) Ежегодный месячный отпуск с сохранением жалованья и дорога за счет казны.

12) Офицеры не должны иметь никаких военных прислуг для своих домашних надобностей.

13) Ограничить частое служение, т.-е. несение служебных обязанностей без пользы: бесполезные судовые работы, например, спускание и подымание шлюпок на берег. Применить паровые или какие-нибудь двигательные, а не мускульные силы.

14) Оклад на приварочное довольствие: для армии—каждый день 15 копеек, а для матросов в море—каждый месяц 13 руб. 60 к., а на суше 8 руб. Право распоряжаться продовольственной суммой принадлежит команде как во флоте, так и в армии. Не делать никаких вычетов из этой суммы; остатки выдавать каждому на руки.

15) Устроить склады с обмундировочными вещами и выдавать одежду по чекам: для матросов в год на 60 рублей, а для солдат—на 40 рублей. Оставшиеся суммы от обмундирования выдавать каждый год как матросам, так и солдатам.

16) Получившим какое-либо увечье на службе должна выдаваться пожизненная пенсия, но не менее

60 рублей в год, причем в комиссии для назначения пенсии и определения степени должны участвовать представители нижних чинов, выбранные командой.

17) Офицеры должны ежедневно заниматься с нижними чинами по два часа в служебное время.

Сверх этого, матросы и солдаты присоединяются к всеобщим российским требованиям: 1) немедленного созыва учредительного собрания на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, и 2) 8-часового рабочего дня *).

Чтобы привлечь на свою сторону колебавшихся «брестцев», была выпущена (правда, с опозданием) следующая прокламация, составленная студентом Соловейчиком (Птицыным):

«Товарищи братья, мы, матросы Черноморского флота, обращаемся к вам с горячим словом убеждения, не верьте тому, что говорят вам вечные насильники и кровопийцы наши офицеры и попы... Третьего дня, ночью, когда вы были в своих казармах, они убеждали вас, будто мы враги народные, будто мы хотим ограбить вас, отнять вашу кассу! Вы поддались их лживым словам, ушли из казарм, забрали кассу, готовились защищаться от нашего нападения. А они, негодяи, спаивали вас водкой и заставляли приносить присягу.

Товарищи, ваши офицеры подло лгут вам: никогда в мыслях мы не имели кого-нибудь грабить, никогда не изменяли мы родине. Всегда поступали по совести и разуму своему: лгут они все это потому, что боятся, чтобы вы не соединились с нами в наших требованиях. Они хотят обмануть вас, хотят сде-

*) Эти два пункта не были опубликованы тогдашним телеграфн. агентством. Лишнее доказательство того, как мало можно верить подцензурным газетным сведениям о ходе восстания, о речах Шмидта и т. д.

лать вас слепым орудием в своих, не раз уже народной кровью забрызганных, руках, хотят натравить и направить вас против нас и против всех, стоящих за народные нужды.

Братья-солдаты, мы не грабители и не изменники какие, только не стало мочи у нас сносить дольше притеснения начальства и проклятые порядки российские.

И мы все, как один, выставили требования, которые каждый из вас может прочесть. Мы требуем, чтоб солдат был признан человеком, чтобы улучшили нам пищу и увеличили нам жалованье, чтоб уменьшили срок службы, чтоб обращались с нами по-людски, а не по-скотски, чтобы и солдатам даны были те права, которые возвещены всему народу манифестом 17-го октября, права свободно собираться, свободно обсуждать свои и общие народные нужды, свободно читать газеты и книги. Мы требуем, наконец, со всем великим русским народом, чтобы немедленно было созвано всенародное учредительное собрание.

Пусть будут всем народом выбраны представители, которые устроят русскую землю, которые одни смогут и улучшить жизнь рабочего и крестьянина, наделить землей и упорядочить наше солдатское житье. Наше дело—правое, наше дело—не только наше солдатское, но и всенародное.

Солдаты, не давайте спаивать себя, не поддавайтесь лжи и обману офицеров и попов. Отказывайтесь стрелять в своих товарищей и братьев. Следуйте примеру крепостной артиллерии, саперной роты и тех из ваших товарищей, которые перешли на нашу сторону.

Присоединяйтесь к нашим требованиям. Вместе с нами боритесь до конца за свои человеческие права и за святое народное дело.

Товарищи-братья, да здравствует свободный солдат!

Да здравствует единение войск с народом!

Да здравствует всенародное учредительное собрание!!

Депутаты от матросов и солдат.

Попытки напечатать текст означенных требований и прокламаций в военной типографии не увенчались успехом. Выручил владелец небольшой частной типографии, который за деньги отпечатал нелегально требования повстанцев, а также и пару маленьких воззваний, написанных впоследствии лейтенантом Шмидтом.

Чухнин почти склонялся к удовлетворению некоторых требований матросов, обещал ходатайствовать о сокращении срока службы, увеличении жалования и частичной демобилизации, но лишь после прекращения «мятежа». Последний пункт (задержка с демобилизацией уже отбывших службу и подлежащих увольнению в запас) играл немалую роль в деле возбуждения матросов и солдат против начальства.

12 ноября еще с раннего утра матросы и рабочие, а также солдаты запасного батальона и часть артиллеристов с крепостных батарей собрались сперва возле казарм Брестского полка, потом ринулись во двор и устроили митинг. Брестцы оказали им довольно радушный прием. Офицеров разоружили и отпустили по домам (впрочем, не просто «отпустили», а «изгнали»...—во всяком случае не арестовали, предоставив им возможность действовать против добродушных повстанцев...).

В это время, к казармам под'ехали комендант севастопольской крепости, генерал-лейтенант Нейлюев и начальник пехотной дивизии, генерал

Седельников. Их остановили и потребовали распорядиться убрать пулеметы, поставленные ими на Историческом бульваре. Когда они отказались сделать это, их высадили из кареты, арестовали и отвели в один из матросских экипажей, если не ошибаюсь, их посадили даже в карцер при дивизии.

Чтоб поднять настроение и привлечь к восстанию остальные части гарнизона, матросы решили пойти демонстрацией к казармам другого — Белостокского полка. На это ушло много времени и хлопот. В разгар суеты, в комнату, где заседал совет депутатов, прибегают некоторые сочувствующие артиллеристы и спрашивают:

— Как быть с крепостными орудиями? Заклепать их и сделать негодными? Или же арестовать офицеров и оставаться при пушках?

Вопрос чрезвычайной важности. Не знаю, к кому именно обратились артиллеристы. Но работы было так много, вооруженное восстание так ново и непривычно, что на вопросы артиллеристов не обратили почти никакого внимания, отделавшись общими фразами.

После обеда несколько тысяч матросов, рабочих и солдат разных частей стройными рядами с двумя оркестрами музыки и красными знаменами (рабочие носили знамя РСДРП) двинулись к месту стоянки Белостокского полка. С демонстрантами пошли и брестцы; среди них давно уже вели агитацию солдаты: Яков Киршенштейн, Могилевский и Михаловский.

Все демонстранты были безоружны. Пройдя Екатерининскую улицу, они двинулись на Новосильцевскую площадь. Оркестр заиграл «боже, царя храни», — таковы силы рабской традиции. По команде своего начальника, полковника Шульмана, белостокцы взяли на караул и на гимн ответили громким «ура». Повстанцы не ожидали такого приема, но вместо

того, чтобы смешаться с белостокцами, изолировать их от начальства и увлечь за собой, они остановились в нерешительности. По команде начальства белостокский оркестр заиграл «боже, царя храни»; морской оркестр ответил тем же. И так несколько раз подряд.

Солдаты очень охотно выслушивали речи ораторов, но присутствие начальства не меньше, чем созерцательная пассивность повстанцев, мешало им тут же последовать призывам ораторов и присоединиться к демонстрантам. Это тем больше, что ораторы скорее приспособлялись к настроению массы, чем вели ее за собой.

Полковник Шульман, опасаясь, чтоб матросы, в конце-концов, не овладели «его» полком, скомандовал: «кругом марш»; и белостокцы повернули домой. Демонстранты двинулись за ними. Находчивый полковник отдает тогда тут же на ходу новое приказание, и белостокцы, не заворачивая к себе в казармы, направляются в лагерь...

Демонстранты побоялись, что это их заманивают в поле, чтоб там с ними расправиться. Они повернули назад, часть их все же ворвалась в казармы белостокцев, но и не подумала разоружить и арестовать находившихся там офицеров.

Полковник Шульман, поняв, что с уходом его части в поле, город остается почти без «верных присяге» солдат, собирался отступить к г. Балаклаве и оттуда по телеграфу вызвать из Одессы и Симферополя правительственные войска. Когда к вечеру выяснилось, что демонстранты мирно вернулись назад, белостокцы тоже вернулись в свои казармы.

Не дремал и командир Брестского полка, полковник Думбадзе. Едва брестцы пришли домой с демонстрации, он немедленно и наспех увел их в лагерь. Фельдфебеля и унтер-офицеры пустили в ход все свое влияние и запугивание. Думбадзе вызвал экстренно